

извращенной форме»³.

Деантропологизация реальности проявляется в том, что люди все больше перекалывают процесс смыслового ориентирования на всевозможные информационные системы и институты: человек перестает доверять своему восприятию (в медицине – переадресация ко все более многочисленным «анализам» и мнениям узких «специалистов», в политике – обращение ко все более многочисленным «независимым экспертам», «опросам», «экспертизам», в потреблении – тотальное подавление непосредственной чувственной достоверности – всевозможными рекламными продуктами; в осмыслении собственной жизни и истории – апелляция к потенциально бесконечному «опыту» ДРУГИХ. Деантропологизация совершается параллельно с исчезновением творчества в массовой культуре и массовом сознании. Массовый потребитель перестает размышлять о себе самом самостоятельно (ему невыносимо оставаться наедине с самим собой: вот почему современные подростки катастрофически перестают читать, а «взрослые» люди пугаются «толстых» журналов и книг, а смыслового вопросы становятся просто непереносимыми для них!).

Но деятельность атомизированных индивидов, погруженных якобы в абсолютно автономный и самодостаточный мир, оказывается невероятно регламентирована и схематизирована, насквозь пропитана множеством чудовищно примитивных клише и стереотипов, ложно подаваемых как самобытность и неповторимость (всякий, вероятно, хоть однажды сталкивался с невероятной глупостью в рекламных продуктах: например, когда описание ничтожнейшего свойства щеточки для ресниц не создавать «комочков» туши завершается чудовищной в сущности фразой: «ведь Вы этого достойны!»). Деантропологизация в сильной степени связана с применением возможностей информационных технологий и разрастанием на этой основе виртуализации. Машинно-информационные системы, СМИ, институты массовой культуры гипертрофируют значение формально-ролевой организации человеческой жизнедеятельности – жить начинает не реальный человек, а его «статус», «роль», «функция». Эти феномены снижают, а то

и вовсе уничтожают различие реального и ирреального, вещи и фантома, нормы и патологии, возможного и действительного, интимного и публичного.

Сирены либерализма и рыночного фундаментализма возводят в ранг невероятных теоретических откровений чудовищные предрассудки обыденного сознания самой малообразованной и дикой части новоявленных буржуа и сращенной с ними чиновничьей бюрократии. На фоне тотального разграбления природных ресурсов страны («капитала будущих поколений»), уничтожения технически прогрессивных отраслей экономики (авиа- и судостроения, ракетно-космической и др.) превращения страны в сырьевой придаток кучки развитых государств, материального и интеллектуального ограбления собственного народа в недрах «дикого капитализма» — как какие-то абсолютные истины «в последней инстанции» подаются не менее дикие «формулы» о том, что система образования должна быть подчинена «потребностям» бизнеса и рынка (!), о том, что образование должно быть освобождено от воспитания (чему воспитывать в условиях якобы тотальной «толерантности» и «банкротства» всех прежних идеологий!), что отечественная система образования и науки «не отвечают современным» критериям (вначале говорили более откровенно: потребностям капитала) и т.п. Поскольку наиболее концентрированное интеллектуальное неприятие и опровержение всему этому вздору оказывает философско-теоретически подготовленное сознание, ему-то и достается «по полной программе». Тотальное наступление деструктивных дискурсивных практик в философско-теоретическом сегменте общественного сознания таит в себе многочисленные и давно диагностированные опасности. Нежелание замечать их – предмет уже иного дискурса: о субъектах этих процессов необходимо говорить отдельно.

1. Р.Гальцева. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой//Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991, с.8.

2. Там же. С.21.

3. К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.25, ч.2, с.389.

О. А. Матвейчев

СМЕРТЬ ПОЛИТОЛОГИИ

Матвейчев
Олег Анатольевич

кандидат философских наук
г. Москва

Все на борьбу с политологической безграмотностью!

Кто-то из классиков говорил, что если не решены главные вопросы, на них постоянно будешь наткаться в мелочах. Поэтому вначале я ставлю себе амбициозную цель - охватить и рассмотреть проблематику всей политологии от истоков до наших дней. Кто скажет, что это в статье не возможно, или возможно – пусть прежде дочитает до конца.

Для того чтобы разобраться, распутать гордиев узел политической терминологии, надо начать с азов и классики. А

азы и классика - это Аристотель.

До Аристотеля вместо теории были разные афоризмы и «мысли» и, конечно, сама политическая практика, а вот системной науки о политике, системной терминологии не было. Это относится и к Платону, который в своих политических произведениях так же сбивался на притчи, поэзию, философию, идеологию и может быть назван в этом вопросе лишь предтечей науки.

Аристотелю часто приписывают ориентацию на опытное мышление, но это не совсем верно, а в данном случае просто абсурдно. Опыт одного человека никогда не объемлет опыт многих государств. А судить об опыте других государств по свидетельствам - глупо, в силу ангажированности и партийности всех свидетелей.

Поэтому рассуждения Аристотеля о формах государственного устройства исходят из железной логики:

власть может быть либо у одного, либо у некоторых, либо у

всех (три философских категории: единичность, особенность, всеобщность). Следовательно, диктует нам железная логика, есть и три формы правления:

монархия,
аристократия,
республика (или, как называет ее Аристотель по-гречески - полития).

Но поскольку тут еще все зависит от того, насколько каждая форма соответствует цели государства, то каждой из этих хороших форм соответствует испорченная форма:

тирания, (по-латински - диктатура)

олигархия

и демократия - соответственно.

(Аристотель Политика. // Аристотель Соч. в 4х томах, том 4., М, 1994, стр. 457)

Вопрос о критерии отличия, например, монархии от тирании, или олигархии от аристократии - справедливость. Там, где один правит справедливо - там монархия, где несправедливо - там тирания и проч. Свою особую теорию справедливости Аристотель дает, но мы не будем здесь на этом останавливаться.

Вот такая теория, грубая, как 3 рубля. И всеохватывающая притом.

И только после этого, Аристотель идет в практику. И тут же заявляет, что, конечно же, нет никаких форм государства в чистом виде, а главное все это переменчиво. И поэтому нельзя сказать, что в Афинах, например, республика, а в Спарте, например, аристократия или наоборот. Надо всегда уточнять КОГДА.

Берем с произвольной точки процесс. Например, какой-то царь основал государство Энэнию и дал ему законы. Это монархия. Потом он умер и стал править его избалованный сынок, править по своим капризам и глупости. Это тирания. Потом придворные, замучившись, этого сынка придушили. И стали, поскольку тоже были уже испорчены во время правления тирана, извлекать прибыль из правления. Это олигархия. Да так увлеклись олигархи извлечением прибылей из власти, что народ восстал и стал все крушить и делить. Это демократия. Потом выделился лидер, который толпу возглавил и затем усмирил. Опять тирания. Но он помер, и к власти пришло его окружение, которое извлекло уроки из бунтов и стало править бережно и социально-ответственно. А это аристократия. Постепенно, за счет хороших законов и нравов аристократией стал весь народ. А это уже республика! А потом на эту страну Энэнию напали персы, разорили и подчинили назначенному сатрапу. Опять тирания. И так далее.

У какого-нибудь другого государства историческая цепочка превращений была бы иная. И Аристотель показывает, на примерах, разные цепочки, но старается все-таки выделить эмпирические, опытные, и нестрогие закономерности. Типа, демократия, как правило, порождает тиранию. Тирания, как правило, - олигархию и проч.

Вот МАТРИЦА, которую задал Аристотель на века.

В рамках этой матрицы и рамках этого дискурса существуют тысячи проблем на миллионы докторских диссертаций.

Например:

1) Виды монархий и тираний (конституционные, абсолютные и проч. прописывание критериев каждого вида),

2) Виды аристократий (онтократии, теократии, тимократии, меритократии, медиакратии, плутократии, клептократии, нетократии, креократии и проч. и прописывание критериев

каждого вида),

3) Виды республик и демократий (охлократии и проч. и прописывание критериев),

4) Споры по поводу всех этих критериев здоровых и испорченных форм,

5) Интерпретация огромного политического опыта через призму этих критериев и этих понятий,

6) Вопросы перехода одних форм правления в другие,

7) Достоинства и недостатки каждой формы в принципе и применительно к разным условиям, народам и историческим обстановкам...

Работы тут на десятки поколений ученых.

Надо ли удивляться, что за время работы этих поколений ученых, корни теории были утеряны, все формы правления и их критерии тысячу раз перепутались (тирания стала в римском переводе диктатурой, демократия стала, например, синонимом республики и вообще получила со временем позитивное толкование и проч., проч.) и в политической риторике уже со времен Рима и до сих пор (!!!) все свелось к банальному противопоставлению демократии и диктатуры?

Но то политическая риторика, внутри же политической мысли шли процессы кристаллизации парадигм.

Три традиции

Но нужно выделить ТРИ крупных традиции, со своим лицом, которые стали конкурировать в политической науке:

Первая традиция.

Она утверждает, что все представления о демократиях или олигархиях есть иллюзия. Что реально власть принадлежит всегда одному и только одному. У всякого стада есть вожак или пастух, и он всегда один. У всякой армии или компании всегда один руководитель, везде принцип единоначалия. Если даже по-видимости правит какая-то группа, то в ней всегда есть тот, кто ведет, тот за кем ПОСЛЕДНЕЕ и решающее слово. Даже в Англии за не имеющей никаких прав королевой есть право подписи, то есть содержание закона готовит не она, но закон не действителен, если нет подписи. И королева этим пользовалась. Но это формальности. Реально же надо понимать, что никогда никакая великая мысль не придет в голову десяти человекам, ее рождает один, так же как «народные песни» придуманы кем-то, а не народом. Так же как волю и характер проявляет лидер, герой, святой, а вокруг него что-то начинает вертеться.

Примеры такого мышления можно начинать подбирать уже с Гомера и Гераклита, но наиболее ярко эта традиция представлена в творчестве романтиков с их учением о «гении». Конечно же, у Карлейля с его учением о «героях». У неогегельянцев, у анархиста Штирнера, а потом – Ницше с их культурами личности, противостоящей толпе. У традиционалистов, в «Майн Камф» Гитлера, которые развивают доктрину «фюрерства», теории К. Шмидта, Батая и др. теории «суверенности».

В рамках этой традиции есть куст проблематических моментов на еще тысячи докторских диссертаций: определения фюрера, вождя, его критерии, его личные и сверхличные качества, сознательные и бессознательные качества, генезис великой личности, биографии и сходные условия формирования, судьбы и трагизм существования, техники господства и влияния, непонимание гения толпой, отсроченное влияние и так далее и тому подобное.

Вторая традиция.

Которая говорит, что всегда правит НЕКОТОРЫЕ, меньшинство. Это соль земли, у них есть свободное время, деньги, власть и слава, различные по типу ресурсы, потому что один никогда все ресурсы не объединит и ему нужны держатели других ресурсов, а значит надо договариваться, а значит, уже возникает какая-то группа. Все монашеские ордена, масонские ложи, заговоры и проч. исходили из теории «правлящего меньшинства». Но к этой же традиции надо отнести не только эзотерические доктрины тайной власти, но и вполне публичные теории типа теории «партий», которые нужны в демократическом обществе, как выразители и представители интересов, как команды. Сюда же относится и классовый подход К. Маркса, у которого и политика и мораль и законы есть лишь «выражение интересов господствующего класса». А, следовательно, все марксисты в их вариациях (Лукач, Грамши, франкфурты и проч.), разделяющие классовый подход, но предлагающие каждый раз нового гегемона (сейчас, например, предлагают такие классы как нетократия и креакратия), тоже относятся к этой традиции. Сюда же мы отнесем все теории элит в их различных модификациях. Это и Михельс, и Моске, и Парето, и многие другие, кто вплоть до сегодняшнего дня предпочитает говорить об олигархиях, аристократиях и элитах разных видов.

Здесь тоже возможны тысячи докторских диссертаций по темам: виды правящих меньшинств, условия их формирования, критерии отнесения к элите, механизмы ротации элит, исторические смены гегемонов, приемы удержания власти и манипуляции, механизмы «спаек» и заговоров и проч.

Третья традиция.

Как можно догадаться, она заявляет, что все разговоры о том, что миром правят лидеры или некие меньшинства - это ерунда, а есть только масса или народ (в зависимости от степени пиетета). А, следовательно, и монструозные категории, как «народный дух» или «дух времени», «народный менталитет», «массовое сознание», «инстинкт толпы», «тренд истории», «специфика культуры» и проч.

Аргументы просты: какими бы личности и аристократы ни были великими и ужасными, они правят только пока им дает народ. Так что народ последняя инстанция. Хотят они или не хотят, они ВЫНУЖДЕННЫ либо вести народ за собой и служить ему, либо обманывать и заигрывать с народом. То есть, в любом случае они, если не пляшут под его дудку, то считаются с ним, объясняют ему свои действия истинно или ложно. Великие личности к тому же велики потому (как и элита), что они чувствуют и отражают глубинные интенции народа иногда даже лучше, чем сам народ, выражают его исторические миссии, дух и менталитет. В этой традиции много мыслителей эпохи Просвещения (типа Руссо), часть романтиков и марксистов, здесь же Вундт, Тард, Лебон, Московичи и Канетти - одним словом, разные социологи и живописатели психологии масс. А так же просто наивные юристы, социологи и политологи, наивные политики и просто граждане, которые, считают «главное - народ и демократия».

В рамках этой парадигмы тысячи докторских можно написать, изучая народные менталитеты, духи и культуры, истории народов, психологию массовых сознаний и поведений и тому подобное.

Соответственно, можно понять и каждый раз отдавать себе отчет, как меняется анализ исторических событий и их интерпретация в зависимости от того, к какой из тех огромных

традиций принадлежит ученый - аналитик.

То есть одни всегда выискивают великих личностей и показывают, что без них бы все пошло иначе. Другие, видят заговор или классовые интересы и процессы смены элит, третьи анализируют исторические тенденции и задачи, менталитет народа, роль толпы. Причем и те, и другие, и третьи разоблачают все остальное как видимость.

А теперь помножьте все это на политическую ангажированность этих наблюдателей, неполноту и «своеколючесть» их информации, и представьте сколько миллионов страниц, причем совершенно разных и не стыкующихся между собой, можно написать по поводу какого-нибудь даже невинного путча, не говоря уж про революцию.

Что со всем этим прикажите делать?

Политические мыслители здесь разделились на несколько лагерей.

Одни сознательно и мужественно выражают в своем творчестве одну из представленных парадигм и даже нарочно радикализируют ее.

Другие, в духе Аристотеля, пользуются для удобства то тем подходом, то другим, то третьим в зависимости от объекта анализа, от процесса, от известных им фактов.

Но есть, как всегда, третьи, мудрые пескари, которые, считают, что истина где-то посередине, и надо, де, учитывать и то, и это, и третье, и «одно делать, и в другом преуспевать». Они создают синтетические концепции двух родов.

Первый род концепций идет от личности к народу и показывает как идеи и поступки великих постепенно, через заражение немногих, овладевали массами, становились менталитетом и исторической тенденцией.

Другой род концепций, идя от народа к личности, показывает, как менталитет и дух народа отвечая на требования истории, постепенно создает «некоторых» (элиту, поколение и проч.), в среде которых появляются уже и лидеры как выразители духа и исторической задачи.

Мимходом заметим, что все дерево политической мысли растет из аристотелевских корней. Все начинается с первичной мысли о том, что власть может принадлежать либо одному, либо некоторым, либо многим.

Синтез

Следующий, и, наверное, завершающий (почему завершающей, мы увидим ниже) всю западную политическую мысль, этап связан с диалектикой Гегеля.

В логике вообще, говорит Гегель, смысл слова «единичность» познается только в отношении к «некоторости» и «множественности». Как и смысл «множественности» только в отношении «единичности» и «некоторости». Одним словом, это не самостоятельные сущности, а единый феномен.

И, следовательно, ВСЕ СУЩЕСТВУЕТ ОДНОВРЕМЕННО.

А это значит, что каждое государство есть одновременно монархия, аристократия и республика. Если же оно испорчено, то оно одновременно тирания, олигархия и демократия.

Как так? А так!

В каждом государстве есть «власть одного», будь он царь, фараон, президент, аятолла, фюрер, английская королева или генсек.

Так же в каждом государстве всегда есть «власть некоторых»

будь то правительство бюрократов, консенсус внутри некоего класса или банда заговорщиков, в которой распределены роли финансиста, силовика и журналиста и проч.

В каждом государстве есть «власть множества» – то есть власть непосредственно толпы, майдана или парламента (во всех его видах), сейма, генеральных штатов, вече, ежедневных рейтингов социологических служб и проч.

Каждый из трех моментов может по-разному быть оформлен, каждый может быть в том или ином случае гипертрофирован, но каждый элемент есть всегда.

По Гегелю, из этого надо исходить. Раз они друг без друга не могут обойтись и являются единым феноменом, то они обречены на то, чтобы прийти к балансу и гармонии. Исходить из того, что это самостоятельные сущности, борющиеся между собой, и требующие «сдержек и противовесов» - изначально неправильно. Просто все должны перестать тянуть одеяло на свою сторону, перестать распространять амбиции за пределы своей области и должны довольствоваться ровно тем, что им принадлежит по праву и признавать важность других.

А именно, не надо настаивать всяким демократам на своем парламентаризме и гражданском обществе везде и во всем.

Не надо всяким консерваторам и монархистам настаивать на единоначалии и упорядочивать все общество в пирамиду.

И так далее.

Гипертрофированный демократизм так же опасен как гипертрофированная диктатура и проч.

Именно там, где принципы «единичности», «особенности» и «всеобщности» не исходят из гармонии и единства, а борются между собой, громоздя «сдержки и противовесы», там есть и максимальная форма испорченного государства.

Испорченное государство не являет собой гипертрофию одного принципа (такого и быть не может, как сказано, все три момента есть всегда).

Нет, в испорченном государстве одновременно властвуют грубые инстинкты толпы, при этом же крутят и мутят воду олигархи, заговорщики и прочие «позадисты», и там всегда есть произвол какого-нибудь лидера, калифа на час.

И все это, повторяем, одновременно.

Возьмите Россию девяностых, как типично «испорченное государство». Было ли оно чистой демократией? Чистой олигархией? Чистой диктатурой?

Оно было и тем и другим и третьим одновременно!

Волюнтаризм и стрельба из танков по Верховному Совету от Ельцина тут сочетались с манипуляционными выборами, и с бунтами, демонстрациями народа, с коррупцией олигархии и правительства, которые пытались манипулировать и народом, и Ельциным.

Различие нынешней России, с Россией девяностых не в том, что стало меньше или больше демократии, или меньше и больше диктатуры, или меньше и больше олигархии, а в том, что стало меньше раздора и соревновательности между всеми названными, а больше консенсуса и единства.

Каждый постепенно начинает осознавать свое место, свои права и обязанности, свою роль.

Принцип «единовластия» остался. Но ельцинский капризный, жесткий, диктаторский, харизматичный волюнтаризм заменился мягким путинским авторитаризмом.

Принцип «особенности» остался, но соревновательная олигархия сменилась консенсусной. И правительство стало

подумывать о народе, а не только считать, что власть это продолжение собственности, и собственники стали понимать, что деньги и прибыли – это хорошо, но политика и народные интересы это совершенно другое дело.

Принцип народовластия тоже остался, но от уличной демократии перешел в более цивилизованные формы, создал систему опосредований через партии и проч.

Народ уже не ненавидит богатых и власть, еще не любит, но уже придерживается принципа лояльности. Все лояльны всем. Путин лоялен народу и бизнесу, бизнес лоялен Путину и народу, народ Путину и бизнесу.

Естественно, что этот консенсус хрупкий, и он значительно ближе к конфликтному положению девяностых, чем к идеальному состоянию, при котором, как в какой-нибудь Дании, монарх, которым все гордятся, символически демонстративно подписывает все указы, которые готовит честное и компетентное правительство, а Парламент, состоящий из искренних представителей разных групп, спорит, но приходит к консенсусу и издает законы нужные всем.

Можно спорить о том, как сделать так, чтобы все было так оформлено, чтоб все было гармонично, и никто не лазил на чужую территорию.

Из гегелевской теории можно почерпнуть разные мудрые советы на этот счет.

Но лучше иллюстрировать систему Гегеля, через теорию Вебера, она привычнее нашим политологам.

Вебер исследовал источники власти (кто и почему над кем-то властвует?) и установил, что:

А) что-либо властвует просто по традиции, и подчиняются ему по привычке.

Б) в силу компетенции и профессионализма и некой неравновесности в ресурсах, то есть то, что можно рационально увидеть (тот, кому я подчиняюсь опытнее, сильнее, умнее, а значит, я иду за ним)

В) либо в силу безотчетных факторов, то есть в силу того, что можно назвать харизмой (вот есть она и все, вот слушаюсь я и все тут, я не сознаю источника, которому я подчиняюсь потому, что отдаю ему свою субъектность, видимо, на том основании, что эта субъектность превосходит мою, похищает ее, она выражает и представляет меня лучше, чем я сам себя, тогда зачем я сам себе, зачем умножать сущности?)

Так вот, возвращаясь к Гегелю, тут надо сказать, что все три ветви власти и должны не пересекаясь формироваться по разному принципу!!!

Власть одного - монарха – через традицию, через наследование. Подобно роду, флагу и гербу, чем древнее и традиционнее - тем больше уважения.

Правительство должно формироваться благодаря рационально-постижимым понятиям: компетентность, опыт и честность. И эти рационально-постижимые критерии должны быть измеряемы, четко прописаны и прозрачны. Чиновник идет вверх через карьеру: чем честнее, умнее, эффективнее, энергичнее, опытнее - тем выше пост.

Парламент и представительная власть формируются через выборы. Чем харизматичнее, чем лучше умеет представлять и выражать интересы народа или отдельной частной группы некий кандидат - тем скорее будет избран представителем этой группы.

Заметим, что после Гегеля никаких попыток

революционизировать политическую мысль не было. Когда выше было указано, что синтез, предложенный Гегелем, был последним достижением всей истории мировой политологической мысли, то это вовсе не потому, что автор данного доклада очень уж симпатизирует Гегелю. Радостно было бы, если бы за 175 лет после его смерти появилось бы что-то поинтереснее в этом плане, но, к сожалению, величие Гегеля держится именно на том, что все остальные оказались малы. То есть они не стали придумывать новые синтезы, новые способы решения проблемы, а просто вернулись к догегелевским представлениям, просто тупо вернулись к тем трем традициям, о которых речь шла выше. И стали доказывать, что каждая из них лучше, чем две другие. Точнее, конечно, каждый мнил себя революционером, но реально, все возвращались к какой-то из трех выросших из Аристотеля традиций, которые Гегеля уже синтезировал в себе. Так, Маркс реанимировал и углубил подход, согласно которому правят некоторые, то есть классы. Фашизм потом реанимировал теории героев и фюреров. Либеральная традиция упирала на ценности просвещения, «власть народа», то бишь, демократию. Конечно, масса ученых эклектично пользовалось то тем то другим, но в целом никто не придумал ничего иного, что было описано нами выше, еще до гегелевского синтеза.

Поэтому, возвращаясь к России, и отвечая на вопрос, что вся мировая традиция политической науки, коей уже более двух тысяч лет, может посоветовать России в ее ситуации, надо ответить:

1) Нам нужно восстановление монархии, причем сознательное, помпезное, замешанное на традиции, на чувстве глубокого патриотизма, знания истории и гордости за нее.

2) Нам нужна «вертикаль власти» на основе хорошего, прозрачного закона о государственной службе, который бы выстроил «великую китайскую стену» между службой и бизнесом, который бы продвигал честных и эффективных и отсекал коррупционеров и некомпетентных. Закон, который бы формировал вертикаль на основе принципа карьерности и чести, чтобы не мог школьный друг премьер-министра стать вице-премьером, не побывав предварительно главой района, губернатором, полномочным представителем и проч. и не показав на всех этих должностях конкретных успехов и служебного рвения.

3) И, наконец, выборность представительной ветви власти везде и всюду максимально свободная. Максимальное и свободное развитие всех институтов гражданского общества, мировых судов, судов присяжных, самоуправления. Минимальное администрирование и налогообложение бизнеса, причем, чем он меньше, тем меньше и администрирование и налоги.

Не много. Но и не мало. Большинство российских представителей, как политики, так и политологии даже до понимания этого недотягивает. Так, например, у нас демократы и монархисты считают друг друга сумасшедшими и за один стол не сядут, тогда как в правильном государстве демократы и монархисты это одни и те же люди, которые искреннее не понимают, как одно может противоречить другому, в то время как они прекрасно друг друга дополняют.

По ком звонит колокол?

Тот, кто думает, что, когда мы говорим об идеальном государстве, мы противопоставляем некий недостижимый «пустой идеал» конкретной жизни, тот жестоко ошибается.

Идеал – это не то, что «не существует в действительности» и к чему якобы нужно (или не нужно) стремиться. Нет. Если мы, например, признаем, что «идея человека» вообще в том, что он есть «разумный, двуногий и двурукий организм», то, наличие контуженных, потерявших руку и ногу на войне или под трамваем инвалидов ничуть не опровергает «идею человека». Я же никогда не скажу, глядя на большое количество инвалидов, что «практика выше теории, что надо переосмыслить определение человека в связи с тем, что практика нам доказывает, что люди бывают и одноногими, и однорукими и безумными, а практика – критерий истины...». Такое преклонение перед практикой будет сочтено сущим бредом. Наоборот, на практике мы видим, что тот, кто потерял ногу, заводит себе протез, а тот, кто был контужен, вырабатывает компенсаторные механизмы для ясного рассудка.

В политике так же. Хотят того государства или нет, знают они об этом или нет, но они уже есть единство монархического, аристократического и республиканского принципов. Там, где они этого не знают, там, где нет соответствующего закона, там вопреки закону, возникают протезирующие, компенсаторные явления. Ну, например, есть государства, которые не считаются монархиями по закону, и у них закреплен не принцип наследственности для первого лица, а принцип выборности (как калька с принципа для «всеобщности») или принцип «карьерности», как калька с принципа для «особенности»). Но реально мы видим, что все равно, будь то президент, будь то генеральный секретарь, выполняют, скорее, функции символичные, функции монархические, функции «ставящих последнюю подпись», функции «отцов народов». Или есть такой оригинал, кто считает, что президент, например, США это больше, чем символ, что в процессе выборов там реально выбирают самого умного, волевого, достойного? Тяготение к наследственной передаче власти есть не только в Южных Кореех и Азербайджанах, но и в ... США, где практически через раз, Буша-старшего сменил Буш-младший. Все государства-уроды, то есть те, кто доводит себя до идеала не через правосомосознание и проявление права в законах, а через незаконное протезирование, в перспективе менее жизнеспособны. Да, голем может вырасти большой (уроды часто именно гипертрофированны и нечеловечески сильны), но внутренний порок, гнилой фундамент не позволит развиваться дальше. Не смотря на успехи СССР в тридцатые годы, в войну и после войны, гегельянцам (например, Ивану Ильину) всегда было очевидно, что государство умрет в силу внутренних пороков и накапливающихся противоречий, процессов систематического разложения, производства внутри себя того, что его убивает. Внешнее воздействие могло лишь ускорить это. Так же очевидно, что умрут и США, несмотря на их видимые успехи в 20 веке. Они всегда жили в тепличных условиях, но мир глобализуется, а внутренние противоречия, вызванные глубинными пороками системы, пороками которые не изменить (представить, что США добровольно, например, перейдут к монархии невозможно, а это только одна из проблем...) будут наносить удары, пока Америка не рухнет еще более безобразно, чем СССР. То же ждет и Китай, кстати говоря.

А в роли смертельных вирусов, могильных червей, жуков и саранчи выступают свободные радикалы (террористы, оффшорные бизнесмены, криминал, вольные анархисты, просто беженцы из «неудавшихся государств», ищущие лучшей доли, космополиты и вечные диссиденты). Они есть продукты распада

и гниения прежде рухнувших государств. Поэтому на самом деле, если государство хочет выжить, оно должно заботиться не только о своей внутренней идеальности и здоровье, но и о здоровье и идеальности соседей и вообще всех. Потому, что трупный яд поверженного врага может случайно попасть в собственную рану... Смерть государства приводит к тому, что никто не гарантирует собственность, а это делает невозможными инвестиции и капитализацию, останавливает экономический рост. Поэтому ТНК, которые сейчас борются с государствами, в конце концов, роют могилу и себе. Они рубят сук, на котором сидят. Но сейчас их интересует прибыль.

Три мировые войны в 20 веке привели к множеству огромных разлагающихся государств-трупов и такому же количеству раненых государств-инвалидов. Вся эта гниль и мерзость, продукты распада заражает своей «идеологией черни», идеологией антигосударственности, идеологией конфликтности все остатки здоровой государственной нравственности, идет регресс правового самосознания. Идет везде, носители нигилизма, гангрена всеобщей коррупции проникают всюду и наиболее незащищены как раз те, у кого не было прививки. Так, например, Европа, внешне более здорова, чем Россия, но с гораздо более слабым иммунитетом. Гибель СССР, бомбежки Югославии, разорение колоний, постоянная политика «разделения и властвования» по отношению к арабам и новые вторжения, все это отразится, прежде всего, на Европе. Уже отражается. Очень вероятно, лет через 20 никакой Европы уже и не будет. Но это в свою очередь опять ударит по нам. Ударит по всем, как и гибель США, и гибель Китая, гибель кого угодно. По ком звонит колокол? И по тебе тоже.

Распад мировой системы, превращение ее в кишашую гниющую массу, в толпы кочевников, дело ближайшего 21 столетия. Но что вырастет на этом кладбище?

Политика умерла! Да здравствует поэзия!

Совершенно очевидно, что советы строить сейчас монархию и некоррупционную вертикаль власти могут лишь отсрочить неминуемую гибель, попытки кого-то «не пускать» – безнадежны, попытки воевать с другими (как делают США) это логика «умри ты сегодня, а я завтра», потому, что сказано выше, погибший враг тащит в могилу и тебя.

Радикальный фронт государственников против свободных радикалов, мог бы возможно изменить расклад сил и судьбу мира.

Но это потребовало бы серьезного изменения мышления.

Во-первых, лидеры государств должны были бы перестать бороться между собой, прекратить геополитическую возню, выгнать поганой метлой из советников всех игроков на «мировой шахматной доске» и любителей устраивать кризисы.

За один стол должны сесть и Буш и Ким Чен Ир, и Блэр, и Лукашенко, и Путин, и Ху Цзиньтао. Соответственно, всеобщему нападению этих севших за единый стол государственников, должны были бы подвергнуться не только Бен Ладен и Басаев, не только Березовский и Закаев, но и Сорос с Кеннетом Дартом. Должен быть нанесен совместный удар по терроризму, наркомафии, преступности, оффшорному транснациональному бизнесу и тому подобное.

Это, однако, выглядит как утопия. Но никто не мешает какому-то лидеру, например, президенту Путину выступить на весь мир с идеей «нового мышления». Хотя ничего старее и консервативнее, чем это «новое мышление», пытающееся только

отчаянно тормозить по пути в пропасть - нет.

Как мы показали, все, что делается в политике и что говорится о ней, базируется на том фундаменте, который изначально был заложен в греческой науке и уже более 2000 лет назад доведен до совершенной логической ясности. Слово «политика» происходит от слова «полис», город-государство, некое множество. Поэтому теории политики, родившиеся в греческом мире городов-государств, в конце концов, могут привести только к тому миру, из которого они родились. Как во «Властелине колец», кольцо не есть просто инструмент, оно всегда тянется к своему хозяину, так и политология не есть независимая ни от чего наука, она превращает мир в то, откуда она сама вышла, в множество мелких полисов, в то, что можно назвать «феодалной раздробленностью» с ее бесконечными войнами.

Если не желаем миру такой судьбы, если мы желаем хотя бы, чтобы после ее осуществления, если ее суждено претерпеть, на кладбище все-таки что-то выросло, а не возникла ядерная пустыня, мы должны уже сейчас думать о новом фундаменте, о новых возможностях, об абсолютно новой категориальной сетке политической мысли.

Нужно совершенно отказаться от перегноя таких понятий как «власть», «диктатура», «демократия», «левые», «правые», «консерватизм», «либерализм»... Все это принадлежит прошлому и вместе с ним уйдет. Надо, однако, не просто начинать с «чистого листа». Надо покопать неиспользованные возможности, как истории, так и мышления. И иметь в виду опыт всей многотысячелетней истории и политического мышления, который заканчивается столь трагично.

В каком направлении искать? Банальность и скудность советов, которые можно вытащить из мировой политической мысли, однако, не может не настораживать. Советы, которые даны выше, можно дать всегда и везде, а значит, они неприменимы... никогда и нигде. Ну, представьте, что в 1933 году мы бы посоветовали Сталину вводить монархию или развивать гражданское общество... Дело не в том, что он бы не воспринял этого по политическим и идеологическим соображениям. Не воспринял бы - и правильно бы сделал. Он занимался в данный момент другим, решал другую историческую задачу, а именно готовился к мировой войне, неизбежность которой была понятна уже в 1929 году. Отсюда и коллективизации и индустриализации и мн. др. дела Сталина. И если бы они шли хоть чуть-чуть медленнее, то война, очевидно, была бы проиграна, это знает любой, кто действительно всерьез изучал военную историю этой войны. Сталин обладал историческим мышлением.

Политическая мысль, вышедшая из метафизики - неисторична. Именно неисторична, а не просто неистинна или абстрактна. Констатации политологии истинны, но это мертвые истины. Какой должна была бы быть наука, которая не мыслила бы в понятиях (так как понятия есть концепты по определению над-эмпирические, над-временные)? Такая наука перестала бы быть наукой, как чем-то отдельным от практики. Такая политическая практика не просто приближалась бы к живой речи, которая исторична, которая есть «здесь и сейчас», которая моментальна, событийна, мгновенна, она должна была бы стать поэзией. Поэзией должны быть и поступки, сама политика (не даром среди радикалов популярен именно ислам с его пророком-поэтом-воином Магомедом). И дело не в том, что «мир спасет красота», которая вдруг заставит всех свободных

радикалов, коррумпированных чиновников, стремящихся к прибыли игроков на биржах и правовых нигилистов заворожено смотреть на политических вождей и понимать, что надо бросать деструктивные действия и идти за ними, как крысы идут за дудочкой...

Нет. Идущую «войну всех против всех» может закончить только мир. А миры подготавливают поэты и мыслители. Ни политика, ни экономика, ни наука и техника не способны спасти мир, катящийся в пропасть. Ницше говорил, что миром все становится только «вокруг Бога». О «Последнем Боге», который «только и может нас спасти», говорил в своих завещательных текстах и последний великий философ Запада М. Хайдеггер. Что может означать на практике для политиков необходимость готовиться к встрече с Последним Богом? Только ли принятие во внимание возможности Страшного Суда при осуществлении политических решений? Нет. Это хоть и не помешает, но вряд ли сумеет как-то стать примером для свободных радикалов и восстановить уже расколотый мир. Новый мир явится, если Бог явит себя всем и каждому. Но возможно, что для того, чтобы Он явил себя, требуется место Его явления, человечество должно быть готово его увидеть. М. Хайдеггер: «Последний Бог это не конец, а другое начало неизмеримых возможностей нашей истории. Ради него прежняя история может не кончаться, а должна быть приведена к своему концу. Мы должны прояснение ее сущностных основопозиций поместить (hineinschaffen) в переход и готовность.... Последний Бог это начало самой долгой истории в ее самом прямом пути. Длительная подготовка

нужна для великого мгновения его мимо-прохождения. И для подготовки его народы и государства слишком ограничены (zu klein), т.е. они уже слишком оторваны от всякого роста и слишком уж (nur noch) подвержены (ausgeliefert) махинации...». В этом греческом слове «махинация» звучит и «манипуляция», и «мошенничество», и «машина», и «механика». Хайдеггер, как всегда избрал многоговорящий корень и феномен, который он имеет в виду, нуждается в пояснении. Подготовка к встрече с Последним Богом есть подготовка пространства, пространство создается неким «Между». «Между» есть как пан или пропал, как две стороны острия лезвия. Подобно тому, как героем можно стать только в случае реальной опасности (при гарантированном спасении и победе о героизме говорить не приходится), так же и поймать намек, указующий взмах последнего Бога можно только в условиях риска его пропустить, только на фоне возможности отказа в Боге. Тот, кто хочет гарантий, не получает ничего, кто хочет великого - должен рисковать, подвергаясь риску проиграть. Великое не было бы великим, если бы давалось просто и с гарантией. Губительно пытаться идти по проторенным путям, подражать кому-то или самому себе, боясь сделать неправильно, искать своего и мошенничать, трусить и перестраховываться, искать гарантий и выгадывать, превращать управление в «машину», в подобие «механизма».

Введение себя в риск навстречу событию, щедрое раздаривание и мужественная решимость идти в неизвестность, за «поворот»... вот что дарит надежду.

В. С. Мартьянов

ОСОБЕННОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мартьянов
Виктор Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент, старший научный
сотрудник Института
философии и права УрОРАН

В условиях отказа от жесткой идеологической детерминации общественных наук советского периода поначалу казалось, что они могут существовать в условиях автономии от власти. Когда конкуренция идей, публичные дискуссии создают независимость научного кода истины от давления кода власти. Однако период эпистемологического анархизма постсоветского обществознания оказался недолгим. В условиях свертывания публичной политики и открытой политической борьбы политической режим стал проявлять все большую заинтересованность в своей легитимации научными кодами. Далее мы рассмотрим один из способов легитимации политического режима и приобретения символического капитала, связанного с попыткой власти опереться на научные и духовные авторитеты путем их

цитирования. Знание о том, кого «в свою пользу» цитирует власть, позволяет увидеть -какие идеологические концепции политический истеблишмент считает идейно близкими. На кого из исторических и современных деятелей опирается новейший российский политический режим, легитимируя свои основы. В ходе анализа мы сознательно абстрагировались от скрытых цитат и отсылок, принимая во внимание лишь упоминания мыслей, идей, концепций одновременно с их авторами.

Послания Президентов России

Одним из ключевых элементов текстовой базы данной статьи явились ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию России. Следует отметить, что послания Президента РФ Б.Ельцина 1994-1999 годов содержат лишь две явные ссылки на авторитет известных интеллектуалов, призванных придать дополнительный вес словам главы государства. В послании-1996 это Петр Столыпин: «Настоящая свобода, по меткому замечанию П.А. Столыпина, «слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма»». Последнее послание-1999 Б.Ельцина, озаглавленное как «Россия на рубеже эпох», при всех своих обобщениях и пафосе содержит лишь одно явное упоминание «мыслей великих». Это ссылка на А.И. Солженицына: «Не стоит выдумывать абстрактные национальные идеи. Реальной национальной задачей становится, как это точно выразил А.И. Солженицын, «сбережение» народа».